

РАБОЧИЕ ИТОГИ СИМПОЗИУМА

Организационный комитет вверил мне весьма трудное задание — подвести предварительные итоги работе симпозиума. Я постарался учесть все доклады и выступления в прениях. Разумеется, что предлагаемые ниже положения не могут не отражать в известной степени те субъективные взгляды, которые свойственны коллективу грамматистов-славистов здешнего университета. Даются эти положения в самом сжатом виде, с распределением на 12 пунктов.

1. Необходима дальнейшая теоретическая разработка основных, онтологических проблем, которая будет опираться на логико-философские, общесемиотические и психолингвистические аспекты. Надо все глубже исследовать такие общие проблемы, как-то: Какова сущность модальности, ее иерархизация и природа ее отдельных ярусов? Какое место она занимает в отношении к другим сферам речевой коммуникации? Каковы ее смежные области?

2. Целесообразно стремиться к возможно точной, относительно единой терминологии, хотя бы кардинальных понятий. В этой связи встает настоятельная терминологическая проблема обозначения основных модальных пластов на синтаксическом уровне. Вместо терминов „объективная“ и „субъективная“ модальность лучше пользоваться названиями „общая“ (= конститутивная, облигаторная) и „частная“ (факультативная) модальность, но для двух разновидностей последней пока что не были предложены вполне удовлетворительные обозначения (с одной стороны, *волюнтативная*, или *интенциональная*, или *нецесситативно-поссибилитная модальность*, а, с другой стороны, *персуазивная*, или „истинностная“, или *сертификативная модальность*). Намечается потребность постепенной выработки метаязыка, чтобы можно было добиваться содержательного и общепонятного описания соответственных явлений.

3. Модальность — понятие комплексное, содержание и объем которого могут быть заданы лишь арбитражным порядком. Она касается преимущественно синтаксического яруса языка, охватывая одновременно также и морфологический, лексический и звуковой планы. Участники симпозиума, в общем, высказывались за широкую трактовку сферы модальности.

4. С другой стороны, однако, важно в принципе отличать семантико-грамматическое поле модальности от области эмоциональности, как и от мало выясненной пока сферы т. наз. *оценочных отношений*, несмотря на наличие взаимосвязей, взаимонаслоений и „синдромности“ всех этих трех областей.

5. Первостепенную важность имеет исследование грамматических средств, т. е. способов категориального выражения общих и любых частных

модальных значений. На симпозиуме уделялось внимание прежде всего синтаксическим средствам. В ряде докладов и выступлений были, однако, справедливо затронуты также и морфологические, лексические и другие языковые средства, обслуживающие общий модальный статус высказывания и его частные модификации. Оказывается, что лексические средства нельзя игнорировать даже при рассмотрении модальности на синтаксическом уровне, по крайней мере не такие средства, которые: а) изофункционально взаимодействуют с грамматическими, б) являются носителями основных модальных значений воли, возможности и необходимости. Притом можно допустить, что кое-что из описания других лексических средств входит уже в предмет исследования т. наз. теории речевого акта („риторики“), как супрасинтаксического уровня.

6. Глагольный модус, играя первоочередную роль, никак не должен быть отождествляем с модальностью всего высказывания. Категория же глагольного времени лишь при определенных условиях (контекста, интонации и своей конкретной манифестации) может стать релевантным фактором модальной значимости в синтаксическом ярусе. Весьма плодотворна идея о синтаксическом модусе и о синтаксическом времени. Принимая в расчет нередкие случаи функциональной транспозиции наклонений (напр., императива в неимперативные значения), а также и потребность точно определять формальные признаки моделей повествовательных, вопросительных, побудительных и оптативных высказываний, необходимо будет в будущем далее разрабатывать особенно вопрос о синтаксическом наклонении, в связи с предлагавшимся некоторыми участниками симпозиума подчиненным понятием *синтаксического волюнтатива* (как описательной формы, состоящей из частицы + морфологического индикатива или кондиционала).

7. Подход к толкованию явлений модальности может в принципе осуществляться не только от формы к содержанию, но и от содержания к форме. Именно другой путь дает возможность вскрывать интереснейшие расхождения и совпадения в отношении того, как тождественные или близкие денотативные значения на уровне глубинной структуры получают в разных славянских языках соответственную стилизацию поверхностной структуры и, в связи с этим, свои специфические сигнификативные значения. Прагматические же значения лишь совсем периферийно могут вызывать интерес синтаксистов.

8. Нельзя утверждать, будто бы факты модальности относятся только (или преимущественно) к плану речи. Напротив, если их десигнаторы носят сверхиндивидуальный характер, то они тем самым входят уже в план языковой системы. Таким образом, наряду с чисто структурными схемами предложений, существуют системные схемы высказываний, отличающиеся по общей, конститутивной модальности; кроме того, имеются также — правда, менее грамматичные — схемы типов высказываний, наделенных той или другой частной модальностью. Отвлеченная схема предложения в плане языка бывает, как правило, в принципе модально индифферентной, модальность в ней заложена только как необходимая латентная способность. При конкретной речевой реализации данной схемы эта способность, превращаясь в необходимость, вместе с признаком времени, должна обলেখся в ту или другую конкретную манифестацию. Категория модальности совместно с категорией синтаксического времени и создает категорию предикативности.

9. Оказывается, что при модальности, как и при многих других лингвистических феноменах, нужно признавать наличие определенных основных, исходных категорий. (Взаимоотношение понятия *исходных* и *немаркированных* категорий нуждается, правда, еще в дальнейшем уточнении.) Это — констатация, с синтаксическим индикативом, в аффирмации, без какого бы то ни было частного интенционально-нецесситативного или персуазивного значения. (Поэтому славянские инфинитивные односоставные конструкции не входят в круг исходных структур.) Производные структуры, однако, нельзя подвергать дискриминации — они составляют, по крайней мере в части своей, звенья синтаксической парадигмы предложения (в плодотворном понимании Н. Ю. Шведовой).

10. Модальность есть, в конечном счете, дело автора высказывания, его коммуникативной установки и замысла. Модальное оформление говорящим его мысли представляет как бы продукт сети фильтров, через которые от рудимента данной диктальной базы на входе, получается конкретное сообщение на выходе. Это значит, что в создании актуальной модальной значимости участвуют: объективная действительность (т. е. положение вещей в денотате), возможная точка зрения к ней других лиц, отношение производителя предизируемого признака (если производитель имеется) к реализации этого признака, характер адресата и отношения к нему говорящего, обстановка речевого акта и, наконец, отражение говорящим всего этого при окончательном оформлении мысли, придание высказыванию того или другого общего или даже частного модального обличия. Таким образом, модальность включает в себе не только отношение говорящего к действительности, но, вернее, отношение ко всем компонентам речевого акта.

11. Приемы генеративно-трансформационной грамматики весьма полезно использовать, главным образом, при изучении условий генерирования производных модальных построений. Они во многом способствуют ясности, объективности описания и более глубокому познанию нашего предмета исследования. С другой стороны, надо остерегаться самоцельных процедур, лишенных подлинной познавательной ценности. Примером перспективной методологии могут здесь послужить работы Р. Ружички.

12. Важно не только исследование семантико-формальных параметров этого отрезка языковой системы по каждому славянскому языку отдельно, но также и в сопоставительном, сравнительном и типологическом аспектах (ср., например, изыскания М. Ивич). Притом необходимо вскрывать прежде всего „грамматикум“, стараясь давать точные эквиваленции, как и функционально-стилистические характеристики, согласно требованиям функциональной, структурной лингвистики. Чрезвычайно полезным является изучение диахронии фактов, как и внимание данным диалектов и живой, устной речи.

